

Н.Д. Есикова

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Елец, Россия*

**Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм:
коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл.
О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 352 с. (Серия «Русская усадьба
в мировом контексте». Вып. 2). DOI: 10.22455/978-5-9208-0623-9.
ISBN 978-5-9208-0623-9**

В научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», издаваемой в ИМЛИ РАН (Москва) в рамках проекта РНФ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд», в 2020 году вышел второй выпуск под названием «Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм». Первым выпуском стала индивидуальная монография руководителя проекта О.А. Богдановой «Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология» (М.: ИМЛИ РАН, 2019). Рецензируемый сборник написан по следам международной научной конференции «“Усадебный топос” в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.», прошедшей 19–23 июня 2019 года на трех площадках: в ИМЛИ РАН и в усадьбах Узкое и Царицыно, ныне расположенных на территории Москвы.

Русская усадьба как предмет научной рефлексии выбрана в этом издании отнюдь не случайно – ведь именно отечественная усадебная культура является «наиболее ярким, материально воплощенным выражением высших достижений национального гения, преисполненных эстетического совершенства и благородной одухотворенности» [Щукин, 2007, 206]. Стоит отметить, что усадьба, как один из интереснейших феноменов отечественной культуры, в последние десятилетия стала объектом пристального внимания культурологов, искусствоведов, филологов. Мир усадьбы – многопланый текст, предельно насыщенный культурными знаками, в XIX веке отражавший эстетические предпочтения дворянства и выражавший его художественные вкусы, средоточие архитектуры и садово-паркового искусства.

Книга представляет собой коллективную монографию, объединяющую исследования 24 авторов – российских и европейских ученых, представителей разных научных школ, в центре научного интереса которых – топос усадьбы. Композиционно коллективная монография включает несколько тематических разделов: в первом – «Русская усадьба и дача. Диа-

хронический взгляд» – объединены исследования, в фокусе внимания которых – усадьба в России (8 статей), во втором разделе «Усадьбы русской эмиграции» – работы авторов о судьбе русской усадьбы за рубежом (10 статей), в третьем разделе «Усадьба и ее составляющие в литературах Европы» (5 статей) – исследования, посвященные усадьбам западно- и восточноевропейских стран. Все разделы дополняют друг друга. Собранные вместе статьи каждого раздела создают эффект накопления.

В предисловии «Кладовая культурной памяти» О.А. Богданова наметила векторы изучения усадебной темы в отечественном литературоведении, основное внимание уделив компаративному аспекту. Рассуждая о топосе усадьбы, она акцентирует внимание на выходе традиционно-патриархальной русской культуры из национальной замкнутости в течение XVIII века, ее включении «в контекст общеевропейского искусства с его сквозными мотивами (античной мифологией и историей, ренессансным христианско-языческим синкретизмом, просвещенческим вольнодумством), константами (рыцарским кодексом, куртуазностью, идиллическим идеалом и т.д.), структурообразующими формами (библиотекой, театром, балом и др.)» (с. 19). Также ею кратко охарактеризованы статьи всех авторов коллективной монографии в их своеобразии, с одной стороны, и взаимосвязях – с другой.

Наиболее общим проблемам истории усадебной культуры в России посвящена статья Л.Н. Летягина («Судьба усадебного наследия»). Автор указывает, что именно в усадьбе «формировался особый тип мироощущения, образный строй жизни, устойчивые сценарии поведения» (с. 28), а в русской литературе особый тип текстов – «усадебные тексты». Исследователь поднимает вопрос тезауруса усадебных исследований. По его мнению, «усадебный словарь» даже во всей возможной энциклопедической полноте не способен отразить структурные связи элементов поместного дворянского быта, выявить грани взаимодействия текстовой и внетекстовой реальности, представить усадебное пространство как сферу активного жизнетворчества. «Жизнь “дворянского гнезда” не подчинена “алфавитному порядку”, как всякое живое явление она строится в соответствии с насущными принципами “домовного смышления”» (с. 34–35). Можно сказать, что события усадебной повести или романа вписаны в другой, более емкий текст – метатекст усадьбы с его знаками, кодами, не только создающими образ мира, но и выражающими концепцию бытия. В том и заключается особенность прочтения усадебной повести или романа, что их смысл открывается в постижении этих двух текстов, где пространство усадьбы – и среда, и участник действия, и философско-эстетический контекст, а топос усадьбы – метафора мира. Сформулированное В.Г. Щукиным определение «усадебной повести» предполагает не только формальный признак – место действия (русская усадьба), но и особую структурную организацию произведения, строение сюжета. Топос усадьбы в ней являет-

ся не только фоном действия, но и «действующим лицом» сюжета, которое нередко определяет его основные коллизии. Среди художественных «усадебных текстов» Л.Н. Летягин предлагает различать «сцены из усадебной жизни» и собственно «усадебный текст».

Л.Б. Карпенко в статье «Образ усадьбы в реминисцентном дискурсе» отмечает, что «концептуальное ядро понятия “усадьба” сохранилось от древнейшей эпохи неизменным» (с. 43). Ею предложена выборка художественных текстов, «образующих своеобразный сквозной семиотический текст русской усадьбы, рисующий разрушение характерного для прошлого идеального образа обитателя» (с. 44). У. Брумфильд («“Et in Arcadia ego”»: усадьба как нравственное пространство в русской литературе XIX–XX вв.») ставит перед собой задачу «выявить важный аспект “усадебного топоса” в русской литературе XIX–XX вв. как нравственного пространства (*moralis locus*), в котором ставятся и находят разрешение глубинные экзистенциальные вопросы» (с. 57). Автор связывает образ усадьбы с Аркадией, аркадской идиллией. Для анализа он берет два «усадебных» текста второй половины XIX века – роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и повесть В.А. Слепцова «Трудное время», соотнося их с более поздними изображениями усадьбы у А.П. Чехова и А.И. Солженицына.

Безусловно, усадьба как природно-культурная среда создавалась с расчетом на столетия, переходила по наследству, символизировала социальный и культурный статус дворянской семьи, а вместе с тем и сложившуюся философию усадьбы как «приютного уголка», «золотого века», Аркадии. Русская усадьба (да и усадьба в целом) – неотъемлемая часть культуры, знаком которой в усадебном мире становилась библиотека. Н.В. Володина в статье «Библиотека как элемент “усадебной культуры” в творчестве русских писателей второй половины XIX – начала XX в.: И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, И.А. Бунин» подробно рассматривает этот важнейший компонент усадьбы, а для А.Г. Разумовской (статья «“Завещанная яблонева жизнь” в эпоху социальных катастроф: усадебный сад в прозе А.Ф. Зурова») ключом к усадебному миру становится сад, садово-парковая культура как идеальная модель реальности, рай на земле, в ней выражалось представление человека об универсуме.

Е.Ю. Сафронова («“Село Степанчиково и его обитатели” и “Набег в Баруковку”: пародийно-сатирический модус в изображении усадьбы у Ф.М. Достоевского и М.А. Кузмина») отмечает, что «комическое обыгрывание шаблонных сюжетных ситуаций, коллизий, нарративных приемов, образной системы “усадебного текста”» (с. 97) – свидетельство перехода «усадебных» текстов (повести и романа) на новый этап – комического переосмысления и критики эпигонства. Еще одну интересную грань образа усадьбы показал Г.А. Велигорский («“Houses are alive. No?”. Образ “ожившего” дома в английской литературе конца XIX – начала XX в.») –

«оживший», «живой» дом. Это новый функционал развертывания традиционного образа, включающий в себя разные варианты: «Мотив “живого дома” развивался в образах то плотоядного существа, то светлого хранилища памяти» (с. 310).

Интересны наблюдения над микрокосмом усадьбы в творчестве отдельных писателей, сделанные Н.В. Пращерук («Усадебный мир в прозе И.А. Бунина: от “Суходола” к “Странствиям” и “Жизни Арсеньева”»), О. Дискаччиати («Возвращение в усадьбу как повторяющийся мотив в творчестве И.А. Бунина и Б.А. Пильняка»), Н.И. Пак («Усадьба в тетралогии Б.К. Зайцева “Путешествие Глеба”»), Н.С. Степановой («Концепт “усадьба” в автобиографической прозе В.В. Набокова»).

Становится очевидным, что современную исследовательскую парадигму отличает междисциплинарность, которая способствует постижению многогранного образа усадьбы. Эффективность междисциплинарного подхода продемонстрировали Е.Е. Дмитриева («Грасс Бунина: воскрешение русской усадебной жизни в нерусском пространстве») и В.Г. Щукин («“Демократическая усадьба” в роли “культурного гнезда” эпохи модернизма. Пример Польши»), объединившие инструментарий литературоведа и культуролога в своих плотно насыщенных информацией статьях. Семиотика пространства – воскрешенная усадьба, демократическая усадьба – интересный аспект усадебной темы, неожиданный, любопытный ее поворот.

В целом необходимо отметить высокий уровень опубликованных статей, в том числе и тех, которые, к сожалению, невозможно было упомянуть в небольшой рецензии. Научная значимость коллективной монографии «Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм» несомненна, особенно если принять во внимание неугасающий интерес к усадебному миру и его образам. Большой заслугой О.А. Богдановой как ответственного редактора, организатора и вдохновителя проекта является то, что композиционно материалы расположены продуманно, позволяя выявить несколько научных стратегий изучения топоса усадьбы как модели гармоничного устройства человеческой жизни.

На наш взгляд, наиболее интересны в книге необычные повороты традиционной темы – мотив «ожившего дома», его коннотации, пародийный модус в изображении усадьбы, образы «воскрешенной» усадьбы.

Подводя итоги, следует отметить, что рецензируемая коллективная монография – новый шаг отечественного литературоведения в постижении усадебного мира. Представленные в ней работы доказывают, что изучение усадебного мира и усадебного мифа и по сей день – одно из актуальных направлений отечественного литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА

Щукин В.Г. Российский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 608 с.